

Критика о романе А.Н. Толстого «Петр Первый»

А. Толстой

Личность является функцией эпохи, она вырастает, как дерево вырастает на плодородной почве, но в свою очередь крупная, большая личность начинает двигать события эпохи. Она может двигать их в рамках ограниченных, но может их замедлять и ускорять. <...>

В моем романе центром является фигура Петра I. Остальные фигуры, сопутствующие ему, по мере их важности, описываются со все меньшим количеством деталей и со все меньшей ясностью. Есть фигуры, которые нарочно мелькают каким-нибудь жестом или словом. Иногда бывает интересная какая-нибудь фигура и, казалось бы, неплохо ей посвятить главу. Но тут необходимо себя одергивать, удерживать. Чувство художника не должно позволять ему, как бы ни была замечательно интересна глава, это делать. Надо себя сдерживать, иначе вырастет гигантский нарост. Здесь писателю подсказывает чутье художника, чувство меры, чувство композиции. <...>

В каждом художественном произведении, в том числе — в историческом романе, в исторической повести — мы ценим прежде всего фантазию автора, восстанавливающего по обрывкам документов, дошедших до нас, живую картину эпохи и осмысливающего эту эпоху.

В этом коренное отличие художника от историка и исследователя. Ученому нужна цепь последовательных фактов, чтобы рассказать об истине.

Художник берет на себя смелость, или дерзость, — на основании даже незначительных осколков, — своей фантазией, своей интуицией смело и уверенно рассказать об эпохе...

Вы спрашиваете — можно ли «присочинить» биографию историческому лицу? Должно. Но сделать это так, чтобы это было вероятно, сделать так, что это (сочинение) если и не было, то должно было быть.

(Из книги «Художественное мышление»)

К. Чуковский

...Работа над языком заключалась, главным образом, в пристальном изучении памятников устного народного творчества.

Еще в Петербурге он [А. Толстой] под влиянием Алексея Михайловича Ремизова стал изучать по книжным материалам русские народные сказки и песни, на основе которых и создал целый цикл стихов, стилизованных под русский фольклор. Эти стихи Толстого оказались опять-таки ниже его дарования, но работа над ними пошла ему впрок. Старинная народная речь, усвоенная им во времена ученичества, сильно пригодилась ему, когда он впоследствии писал свой знаменитый роман о Петре и пьесы из времен Иоанна IV, Екатерины II. Конечно, к тому времени он значительно расширил и углубил свои знания, но их первооснова была здесь. <...>

Вообще перед смертью он как-то возвысился сердцем и весь просветлел, и талант его раскрылся во всей своей мощи. Оттого-то третья книга его «Петра» (незаконченная) сильнее и значительнее двух предыдущих.

Его воображение дошло до ясновидения. Это поразило меня еще за год до того, как он окончательно свалился в постель. Я был у него, на его московской квартире, и он, не зажигая огня, импровизировал диалог между царицей Елизаветой Петровной и кем-то из ее приближенных — такой страстный, такой психологически тонкий, с таким глубоким проникновением в историю, что мне стало ясно: как художник, как ведатель души чело-

веческой, как воскреситель умерших эпох, он поднялся на новую ступень. Это ощущал и он сам и, счастливый этим ощущением своего духовного взлета, строил грандиозные планы, куда входили и роман из эпохи послепетровской России, и эпопея Отечественной войны, и еще одна драма из эпохи Ивана IV.

(Из воспоминаний)

И. Эренбург

Он работал не как архитектор, а скорее как скульптор; очень рано распрощался с планами романов или рассказов; часто, начиная, не видел дальнейшего; много раз говорил мне, что еще не знает судьбы героя, не знает даже, что приключится на следующей странице, — герои постепенно оживали, складывались, диктовали автору сюжетные линии. (Это относится к зрелому периоду Толстого.)

Есть писатели-мыслители; Алексей Николаевич был писателем-художником. Очень часто человеку мучительно хочется сделать именно то, что ему не свойственно. Я помню, как Алексей Николаевич в молодости долго сидел над книгой — хотел, даря ее, написать афоризм; ничего у него не выходило.

Он необычайно точно передавал то, что хотел, в образах, в повествовании, в картинах; а думать отвлеченно не мог: попытки вставить в рассказ или повесть нечто общее, декларативное заканчивались неудачей. Его нельзя было отделить от стихии искусства, как нельзя заставить рыбу жить вне воды. Его самые совершенные книги — «Заволжье», «Детство Никиты», «Петр Первый» — внутренне свободны, писатель в них не подчинен интриге, он повествует; особенно он силен там, где его рассказ связан с корнями, будь то собственное детство или история России, в которой он себя чувствовал легко, уверенно, как в комнатах обжитого дома.

Страстно любил он Родину, и это было не декларацией, а биением сердца, дыханием, самим его существом. Он не часто говорил об этой любви, и здесь тоже доказательство ее силы, ее органичности, вязкости, в целомудренном молчании, порой в горьких паузах, порой во взгляде — люблю, а говорить об этом не стану. Когда над Родиной стряслась беда, немолодой уже Алексей Николаевич последние годы, последние силы отдал родной земле. Его голос был слышен в страшные годы громче многих других, не потому что он кричал, а потому, что это был голос потрясенного, любящего, большого человека.

(Из воспоминаний)

В. Инбер

Алексей Николаевич Толстой был на редкость цельной натурой. Как человек, всеми пятью чувствами впитывал он жизнь. И так же полно отдавал он в своем творчестве все взятое у жизни.

Даже внешний облик Толстого совпадал с его манерой писать. Даже любимого героя он выбрал себе под стать: Петра Первого.

Выпуклость, рельефность, красочность толстовского письма поразительны.

Иные страницы «Петра» таковы, что, кажется, вырежь страницу из книги, вставь ее в рамку — и будет она висеть на стене, как прекрасное создание живописца: радуя глаз и украшая жилище.

(Из воспоминаний)

Ю. Олеша

Особенным свойством великих мастеров эпоса является умение сообщать изображаемому подлинность. У Алексея Толстого подлинность просто магическая, просто колдовская!

У меня нет, например, нужды открывать книгу, искать те страницы, на которых из-

ложена сцена пребывания Петра и Меншикова у немецких принцесс... Достаточно мне вспомнить о ней, как она появляется передо мной, стоит в трепете свечей, в сиянии летнего вечера, входящего в зал через раскрытые из сада двери. Я ощущаю всем существом молодость двух героев, двух кокеток, которые, хотя и боятся этих двух «варваров», но вместе с тем хотят им понравиться.

Едва я подумаю «Алексей Толстой», как встают одна за другой картины созданного им мира, настолько подлинного, настолько реального, что даже в голову не приходит, что он создан из строчек; нет, он существует — вот он, рядом!

(Из книги «Ни дня без строчки»)

В. Лидин

Удивительно, как много народности было в этом человеке. Точно с младенческих лет шепнул ему народ заветное слово на ушко, и народная речь, образная, со своеобразными его, Алексея Толстого, оборотами и синтаксическими особенностями, зазвучала с первых его книг. Он чувствовал русский язык, как музыкальная душа чувствует музыку. Прошлое русского народа было для него источником этого чистого потока русской речи, его органической мелодии, восходившей к былинным записям и «Слову о полку Игореве». Именно поэтому, обратившись к эпохе Петра, а впоследствии Ивана Грозного, он ощущал себя в этих эпохах своим человеком, не затрудняясь в языке, отдаленном столетиями: это был язык народа, а язык народа Толстой понимал и чувствовал.

Тема становления России в великую преобразовательную эпоху Петра пришла к Толстому давно, — кажется, еще в семнадцатом году. Одной из первых его проб в этой исторической области был рассказ «День Петра». Рассказ этот Толстой любил и дорожил им и неоднократно читал его на литературных вечерах. Из этого первичного зерна возник впоследствии «Петр Первый». Обращение к исторической теме не было для Толстого уходом от современности. Все его исторические вещи современны, и в этом одна из прелестей его таланта. Россию, ход ее сил, ее историю, ее прошлое Толстой чувствовал применительно к сегодняшнему дню. Его книги не уводят в историю, а возвращают историю к современности.

(Из воспоминаний)

Вс. Рождественский

В личности А.Н. Толстого так глубоко были заложены русские национальные черты, он так великолепно владел всеми интонационными оттенками и смысловым богатством русской речи — сочной, яркой, острой и прямой, что в этом редко кто мог с ним сравниться из сверстников и современников.

Когда я вспоминаю свои встречи с Алексеем Николаевичем, передо мной встает не только большой художник русского прихотливого, умного слова, но и прежде всего человек с богатой, щедрой и яркой душой.

(Из воспоминаний)

Л. Коган

Переломным моментом, предрешившим победу новых государственных начал в России, который превратил отсталую страну в европейскую державу, Толстой считал Полтавскую битву. Еще до окончания второго тома Алексей Николаевич как-то в разговоре со мной сказал, что правильнее всего было бы ею закончить роман.

Мне казалось, что эта мысль родилась у Толстого потому, что ряд сцен из последних лет жизни Петра он уже использовал в своей пьесе о Петре и потому потерял к ним интерес. Толстой энергично возражал. Полтавская битва в его понимании была победа народа, который Петр сумел повести за собой, несмотря ни на какие трудности и ни на какие противоречия. Иначе говоря, Толстой замыслил свой роман отнюдь не как биографиче-

ский.

(Из воспоминаний)

Д. Толстой

Отец был певцом русского народа. Он сознавал себя прежде всего русским писателем. Интерес к истории не был для него прихотью, капризом. Он был вызван мыслью о горячо любимой России. Отец часто обращался к истории для того, чтобы познать правду народа и его характер. Если для Тютчева и символистов Россия была сфинксом, то он пытался разгадать ее загадку. Отец был наделен особым даром исторического видения. Как истинный историк, он хотел разобраться в прошедшем, чтобы осмыслить до конца настоящее и предвидеть будущее. Он говорил, что его волнуют в русской истории эпохи, где, как он считал, завязывался характер народа. Этими узлами для него были: эпоха Смутного времени, время Петра Первого, гражданская война 1918–1922 годов.

(Из воспоминаний)

Г. Уланова

Когда я читала его книги, мне всегда казалось, что автор, конечно, сам видел этих людей и события. Он жил в их домах, участвовал с ними в сражениях, празднествах, шел рядом с Петром по будущему Петербургу... Быть может, он «жил» в душе своих героев? Иначе как, каким образом так глубоко проникал он в самые сокровенные тайны души человеческой, знал все ее горести и радости?

(Из воспоминаний)

Н. Тихонов

Он имел добрый талант. Он не мучил людей страшными сомнениями, не вел их на край психологических пропастей, не проповедовал отчаяния. Он имел веселый талант, полный веры в человечество. Он проходил через самые мрачные картины прошлого с высоко поднятой головой человека, уверенного в прекрасном будущем своего народа. Оттого не мраком и холодом веет от жестокой и грозной Петровской эпохи, а предвосхищением новых дней еще небывалого расцвета.

(Из статьи «Писатель великого народа»)

А. Пауткин

На страницах «Петра Первого» — произведения, написанного нашим современником, — всюду царит живая атмосфера давно минувшей действительности. Ощущение как бы вплотную приблизившейся к нам петровской эпохи во всем ее историческом своеобразии, во всей убедительности до мелочей жизненной реальности ни на минуту не покидает читателя. Этот крайне важный художественный эффект, без наличия которого немислима глубокая вера читателя в истинность всего изображаемого, полное «переселение» его в мир событий и образом романа, достигается с помощью всех имеющихся в распоряжении автора художественных средств. Служат этому и выразительно очерченные характеры людей с их типичной для своего времени и своего общественного круга психологией и взглядом на мир, и правдиво воссозданные действительные события прошлого, и красочные историко-бытовые описания, и даже самые мелкие повествовательные детали.

(Из статьи «О языке романа А.Н. Толстого “Петр Первый”»)